ГЛАВА I

Обмен

Певица парижского лирического театра, г-жа Зели, совершая артистическое путешествие вокруг света, дала один концерт на островах Товарищества. За арию из «Нормы» и несколько песенок она должна была получить треть сбора. При расчете оказалось, что на ее долю приходится 3 свиньи, 23 индейки, 44 курицы, 5000 кокосовых орехов и некоторое количество бананов, лимонов и апельсинов. В одном из своих писем примадонна замечает по этому поводу, что на парижском базаре она могла бы выручить за все это не менее 4 тысяч франков, — что составляет неплохое вознаграждение за 5 песенок. Но на островах Товарищества денег не было, и так как артистка сама могла истребить только незначительную часть полученного ею вознаграждения, то ей пришлось отдать свои фрукты и овощи свиньям и птицам.

Уоллес, путешествуя по Малайскому архипелагу, чаще страдал от недостатка питательных средств, чем от избытка. В своих очень интересных путевых записках он рассказывает, что на некоторых островах, где не существовало денег, ему всякий раз, когда он нуждался в съестных припасах, приходилось прибегать к непосредственному выменивию продуктов, что обыкновенно сопровождалось длинными переговорами. Он обращался к кому-либо из туземцев, обладающих теми или иными продуктами, и предлагал ему в обмен что-либо другое; но если ему не могло быть

предложено то именно, что ему хотелось, то Уоллесу и его товарищам не оставалось ничего иного, как сидеть без обеда. Он поэтому вскоре нашел более целесообразным возить с собой постоянный запас некоторых предметов, как, например, кожи, куски материи, арак, саговые печенья и пр., в надежде, что один из этих предметов понравится бродячему продавцу.

Все эти неудобства, вытекающие из первобытной формы обмена, совершенно неизвестны нынешнему цивилизованному миру и кажутся чем-то баснословным и фантастическим. Привыкнув с раннего детства к употреблению денег, мы не сознаем тех неоцененных выгод, которые они нам доставляют, и только переносясь воображением в совершенно иные общественные условия, мы можем составить себе некоторое понятие о тех трудностях, которыми сопровождается отсутствие денег. У некоторых нецивилизованных народов торговля и поныне заключается в непосредственной мене продуктами. В Лондоне существует компания («Африканское общество меновой торговли»), деятельность которой на западном берегу Африки состоит в том, что она выменивает европейские мануфактурные товары на пальмовое масло, золотой песок, слоновую кость, хлопчатую бумагу, кофе, гумми и другие сырые продукты. Первоначальная форма торговых сношений состояла, вероятно, в том, что человек отдавал то, что ему не нужно было, за то, в чем он нуждался. Такого рода торговлю мы называем просто меной, в отличие от купли и продажи, при которых владелец одного из вымененных предметов имел в виду держать его у себя лишь короткое время,

чтобы затем выменять его на что-либо другое. Предмет, выступающий таким образом в роли временного посредника при купле и продаже, называется деньгами. На первый взгляд может показаться, что употребление денег только удваивает работу, так как, благодаря им, необходимы два оборота там, где без них достаточно было бы одного; но даже поверхностное рассмотрение тех трудностей, которыми сопровождается простая мена, убедит нас, что деньги, например, производят сбережение труда. Мы увидим, кроме того, что деньги оказывают не только эту, но и множество других услуг, из которых одна так же важна, как другая. Современное общество в его нынешней сложной форме не могло бы и существовать, если бы оно в лице денег не имело удобного средства, с помощью которого оно оценивает разнообразные предметы, распределяет их и торгует ими.

Трудность менового процесса состоит, главным образом, в том, что нелегко найти двух лиц, из которых одно нуждается как раз в том, без чего другое вполне может обойтись. Возможно, что имеется немало лиц, нуждающихся в известных вещах, и немало таких, кои такими вещами обладают; но для того, чтобы меновой акт состоялся, необходимо обоюдное соглашение, которое может иметь место лишь случайно. Охотник, возвращающийся с удачной охоты, имеет много дичи и, быть может, нуждается в оружии и снарядах для новой охоты. Те же, которые владеют оружием, могут как раз иметь достаточное количество дичи, так что прямая мена между ними невозможна. В цивилизованном обществе какому-нибудь домо-

владельцу может вдруг прийти в голову, что дом соседа несравненно лучше его собственного. Но даже в том случае, если сосед не прочь уступить свой дом, маловероятно, чтобы его желание как раз совпало с желанием первого домовладельца и чтобы он согласился взять именно его дом. Покупателям и продавцам может помочь тут только такой товар, который всякий готов был бы взять и держать до тех пор, пока найдет случай спустить при покупке то, что получил при продаже. Этот всеобщий товар называется меновым средством, потому что во всех торговых сделках он играет роль посредника.

Меновой процесс представляет еще другого рода трудность. В каком отношении должны обмениваться товары? Если желают обменять мясо на хлеб, хлеб на сыр, сыр на яйца, яйца на лен и т.п., то возникает вопрос: сколько мяса нужно дать за данное количество льна, или, вообще, какое количество одного товара нужно давать за определенное количество другого? При непосредственном меновом процессе всякий прейскурант был бы чрезвычайно длинен, так как ценность каждого товара должна была бы быть выражена во всех других товарах. Между 100 предметами можно насчитать не меньше 4950 различных меновых отношений, кои все должны быть тщательнейшим образом координированы так, чтобы они согласовались между собой, в противном случае ловкий счетчик мог бы немало заработать, покупая у одних и продавая другим. Все затруднения будут устранены, если условиться меновое отношение каждого товара всегда выражать в одном и том же товаре. Зная, сколько хлеба можно

купить за фунт серебра и сколько льна — за это же количество серебра, мы без всякого труда определим, сколько хлеба можно купить за известное количество льна. Выбранный товар становится общим показателем или общим мерилом ценности, с помощью которого легко сравнить между собой все другие товары, выразив их в этом одном.

Непосредственный меновой процесс представляет еще и другую трудность, заключающуюся в том, что некоторые товары не могут быть разделены на малые части. Мешок зерна, некоторое количество золотого песка, убитое животное могут быть легко разделены на части, так что от них нетрудно отделить большую или меньшую долю в обмен за то, в чем появилась потребность. Но представим себе, что портной изготовил для обмена сюртук, ценность которого многим превышает ценность того количества хлеба, которое он должен взять у пекаря, или мяса, которое доставляет ему мясник. Он не может разрезать сюртук на куски, так как при этом пропадает потраченный им на его изготовление труд. Ясно, что портному необходимо такое меновое средство, на которое он мог бы обменять сюртук, и затем на одну часть этого менового средства купить хлеб, а на остальную — мясо, дрова и другие предметы первой необходимости.

Итак, деньги представляют собой мерило ценности и меновое средство, а потому, прежде чем идти дальше, необходимо сказать несколько слов о ценности.

Всякий согласится с тем, что обмен товаров зиждется на том простом факте, что для удовлетворения своих потребностей мы нуждаемся только в ограни-

ченном количестве того или другого продукта. Поэтому, когда удовлетворяется одна потребность за другой, наши желания, как выражается Сениор, сменяются, т.е. выступают всё новые потребности. Кто каждый день получает 3 фунта хлеба, тот не станет требовать еще хлеба, но он пожелает мяса, чая или водки. Если он встретит человека, обладающего мясом в избытке, но не имеющего хлеба, то каждый из них отдаст то, в чем он меньше нуждается, за то, в чем больше нуждается. Меновой процесс является здесь, следовательно, обменом излишнего на необходимое или, точнее, обменом сравнительно лишнего на сравнительно необходимое.

Теперь обратим наше внимание на то, что при каждом меновом акте обменивается определенное количество одного предмета на определенное же количество другого. Вымененные вещи могут быть совершенно различны по своим природным свойствам и измеряться различными единицами. Мы даем, например, кусок серебра определенного веса за кусок каната определенной длины, или ковер известных размеров за несколько литров вина, за некоторое количество лошадиных сил или за перевозку на определенное расстояние. Как бы ни измерялся данный предмет — единицей ли длины, времени, веса, силы, энергии, — обмен состоит в том, что столько-то единиц одной вещи отдается за столько-то единиц другой, причем каждая из них измеряется так, как этого требуют ее природные свойства. Всякий меновой акт представляется, следовательно, в форме отношения двух чисел. Отношение это обыкновенно называется *цен-*

ностью (меновой), и если, положим, тонна меди обменивается на 10 тонн листового железа, то говорят, что ценность меди в 10 раз больше ценности железа. Если мы говорим, что ценность золота больше ценности серебра, то мы этим хотим сказать, что при данных условиях обмена за кусок золота известного веса дают кусок серебра большего веса. Если ценность золота увеличится в сравнении с ценностью серебра, то за то же количество золота дадут большее количество серебра, чем раньше. Но ценность не представляет собой самостоятельного свойства, присущего вещи, как таковой; это только внешнее, случайное количество, которое она приобретает, входя в известные отношения к другой вещи. О ценности какой-либо вещи нельзя говорить, не имея при этом другой вещи, с которой первая сравнивается. Ценность одной и той же вещи может одновременно и упасть, и подняться. Если за определенное весовое количество золота я получаю больше серебра, чем раньше, но меньше меди, то ценность золота в отношении к ценности серебра поднялась, а в отношении к ценности меди упала. Но свойство, присущее вещи как таковой, не может одновременно увеличиваться и уменьшаться; следовательно, ценность не может быть чем-либо иным, кроме отношения, случайного свойства, которым данная вещь обладает по сравнению с другими вещами.

ГЛАВА II

Функции денег

Мы видели, что осуществление непосредственной меновой сделки встречает троякого рода трудности:

1) невероятность полного согласия между лицами, нуждающимися в вещи, и теми, которые могут обойтись без нее;

2) запутанный характер такого обмена, в котором оба вымениваемых предмета не могут быть измерены одним третьим предметом;

3) невозможность подвергнуть известные ценные предметы делению, с целью отчуждать их по частям.

Деньги устраняют все эти трудности, исполняя при этом двоякую функцию: они служат

1) как меновое средство и

2) как всеобщее мерило ценности.

В первом случае деньги — это просто товар, который ценится всеми наподобие жизненных средств, материи для платья или драгоценностей, который всеми охотно принимается, которым всякий хочет владеть в большем или меньшем количестве, так как видит в нем средство, дающее ему возможность во всякое время добыть разного рода предметы необходимости или удовольствия. Хотя эта функция менового средства может быть удовлетворительно исполнена многими товарами, однако обыкновенно — в силу ли привычки или необходимости — роль эту выполняет один какой-либо предмет, служащий «день-

гами par excellence[1]»; этот последний затем начинает употребляться и в качестве мерила ценности. Частое выменивание товаров на известные суммы денег мало-помалу приучило людей выражать в употребляемых ими деньгах ценность все большего числа товаров; вследствие этого точный подсчет и баланс какого-либо менового акта не представляют никаких затруднений: стоит только определить денежную ценность вымениваемых товаров.

Вскоре выступает и третья функция денег. Торговля не может быстро развиваться при отсутствии кредита, когда люди ничего не дают и не берут в долг. Конечно, в некоторых случаях может быть возвращен тот именно предмет, который был взят в долг, и почти всегда возможно произвести платеж теми же товарами, которые были получены. Заняв зерно, можно уплатить зерном же; но заимодавец скорее всего не пожелает получить обратно свой товар через неопределенное время, когда он в нем, быть может, не так будет нуждаться, или когда ценность его сильно упадет. В свою очередь, должник нуждается, может быть, в разных товарах, которые трудно взять у одного лица; и вот возникает более удобный обычай — выражать долг в одном товаре, ценность которого мало колеблется. Всякий, заключая договор, в силу которого он через известный промежуток времени должен что-либо получить, предпочтет такой предмет, который по истечении срока сохранит ту же ценность,

[1] В истинном смысле слова (*лат.*).

какую он имеет в момент заключения договора. Таким предметом являются обыкновенно деньги, которые, таким образом, становятся нормальной ценностью. Не следует, однако, думать, что ценность предмета, служащего нормальной ценностью, действительно не подвергается колебаниям; суть только в том, что его выбрали мерилом для определения ценности будущих платежей. Ценность ведь показывает только отношение вымененных товаров; следовательно, никакой товар не может долгое время сохранить одну и ту же ценность по сравнению с любым другим товаром; но, разумеется, желательно выбрать в качестве нормальной ценности такой товар, от которого можно ожидать, что он в будущем будет обмениваться на большинство других товаров в неизменном почти отношении.

Теперь посмотрим, в какой мере деньги могут выполнить другое назначение, а именно: воплотить в себе ценность так, чтобы ее можно было перевозить на большие расстояния. Как орудие обращения (меновое средство), деньги не отдаляются на большое расстояние от известного пункта, они делят и распределяют имущество и облегчают меновой процесс. Но иногда человек хочет придать своему имуществу минимальные размеры, чтобы можно было их на некоторое время отложить или взять с собой в продолжительное путешествие, или послать своему далекому другу. Для этого необходимо нечто такое, что обладало бы большой ценностью и в то же время было бы очень легковесно, занимало немного места и признано было в любом уголке мира. Этому требованию лучше всего удовлетворяют деньги, хотя алмазы и другие

драгоценные камни, равно как предметы особенной красоты и редкости, также могли бы служить для этой цели. Употребление ценных предметов в качестве сокровищ или средства для перевозки ценностей в отдельных случаях, вероятно, предшествовало употреблению их в качестве денег. Так, по словам Гладстона, в поэмах Гомера деньги упоминаются, как предмет, собираемый в виде сокровищ и служащий для расплаты за услуги, хотя роль общего мерила ценности исполняли не деньги, а быки. Функции, выполнявшиеся такими, всеми ценимыми, предметами, как золото, исторически следовали такому порядку: сначала они употреблялись как товар, годный для приготовления украшений, затем, как средство для собирания сокровищ, далее, как меновое средство (орудие обращения), наконец, как мерило ценности.

Необходимо строго различать эти четыре функции, отправляемые деньгами в современном обществе. Мы так привыкли к употреблению одного и того же предмета во всех его четырех значениях, что они в нашем представлении легко переходят одно в другое. Мы склонны считать это соединение функций необходимым, хотя истинная причина этого соединения лежит в предоставляемом им удобстве, которое временами вовсе и не желательно. Мы могли бы один предмет употреблять в качестве менового средства, другой — мерила ценности, третий — нормальной ценности, четвертый — сокровищ. При купле-продаже мы могли бы передавать куски золота; для выражения и подсчета цен мы могли бы употреблять серебро; при заключении долгосрочных договоров по

найму мы могли бы выражать наемную плату в известных количествах пшеницы; при перемещении имущества на далекие расстояния мы могли бы придать ему небольшие размеры, обменяв его на драгоценные камни. Такое употребление различных предметов для каждой денежной функции отчасти осуществлено было и на практике. В царствование королевы Елизаветы роль всеобщего мерила ценности исполняло серебро; при крупных платежах употребляли золото по курсу на серебро, тогда как по закону при найме земель, принадлежащих университетам, нормальной ценностью служил хлеб. Но, без сомнения, гораздо удобнее иметь один какой-либо материал, который мог бы выполнять все функции денег. Мы сбережем много труда, если сможем платить той же денежной единицей, в которой выражается ценность товаров. Так как лишь немногие имеют время и терпение подробно изучать историю цен, то принимают вообще, что деньги, в которых люди заключают все мелкие и краткосрочные сделки, представляют вместе с тем и наилучшую нормальную ценность, в коей могут быть выражены и занесены в книги долги и долгосрочные обязательства. Есть платежи, неизменяемость которых предписана законом, как, например, таможенные пошлины, жалованье чиновников, канцелярские расходы; иные платежи остаются без изменений в силу обычая. Поэтому, если ценность орудия обращения подвергается большим изменениям и люди все-таки продолжают выражать свои платежи в единицах этого орудия обращения, как будто бы не произошло никаких изменений, то один наживается на счет другого.

ГЛАВА III

История денег

Живя в цивилизованном обществе и привыкнув к употреблению металлических денег, мы невольно смешиваем деньги с золотом и серебром, а это ведет ко многим вредным и подчас трудно раскрываемым заблуждениям. Необходимо поэтому всегда помнить, что *всякий* товар обладает двумя свойствами: 1) измерять ценность и 2) переносить ценность. В вопросе о том, какие товары при данных общественных условиях лучше всего подходят для исполнения роли денег, речь может быть только о большей или меньшей пригодности, и это как нельзя лучше выяснится из краткого обзора тех многочисленных веществ, которые в разные времена употреблялись в качестве денег.

Первая, грубейшая, форма труда, прилагаемого для добывания средств к жизни, — это, нужно думать, охота на диких зверей, и потому у охотничьего племени добыча, полученная на охоте, и будет той вещью, ценность которой пользуется всеобщим признанием. Мясо убитого животного слишком скоро портится, и его нельзя сохранять, чтобы затем выменивать на другие предметы. Иное дело — шкура, которая сохраняется и ценится, как материал для одежды, и принадлежит к числу первых веществ, употребляемых в качестве денег. В самом деле, не говоря уже о древних народах, еще и в настоящее время во многих местах роль денег исполняют шкурки или кожи. В книге

Иова (2, 4) мы читаем: «Шкура за шкуру, и всё, что человек имеет, отдает он за свою жизнь», откуда можно заключить, что у древних восточных народов шкурки давались и принимались как выразители ценности. Этимологические разыскания показали, что то же самое имело место с давних времен у северных народов. На эстонском языке слово *râha* означает обыкновенно деньги, а соответствующее ему слово в родственном лапландском языке не потеряло еще своего первоначального значения «шкура или кожа». Классические писатели приводят предания, из которых явствует, что древнейшие деньги в Риме, Спарте и Карфагене были из кожи. Нам, впрочем, нет надобности углубляться в седую старину, чтобы видеть употребление грубых форм денег. В своих торговых сношениях с североамериканскими индейцами общество Гудзонова залива долгое время употребляло кожи в качестве орудия обращения, несмотря на всё их разнообразие по качеству и величине. В высшей степени поучительно и вполне соответствует другим известным фактам то, что индейцы и позже, когда они уже привыкли к употреблению монет, все еще пользовались кожами в качестве счетных денег. Уимпер пишет в книге «Путешествия по Аляске»: «Ружье, номинальная цена которого 40 шиллингов, стоит 20 шкур» (*skins*), — древнее выражение, употребляемое и в настоящее время. Одна бобровая шкура принимается за 2 шиллинга, и столько же стоит шкура горностая и т.п. В форте Юкон можно часто слышать слово «шкура», так как здесь одежда рабочих и пр. также считается на шкуры.

На следующей ступени общественного развития — при пастушеском образе жизни — самый ценный вид имущества составляют, естественно, овцы и другие домашние животные. Их легко перевозить, они сами приходят на место и могут сохраняться долгие годы, так что они очень пригодны для некоторых функций денег. Много доказательств тому мы находим в преданиях, поэзии и этимологии слов. В поэмах Гомера неоднократно упоминаются быки, как такие товары, в которых выражается ценность других товаров. Об оружии Диомеда говорится, что оно стоило 9 быков, и оно сравнивается с оружием Главкона, стоившим 100 быков. Треножник — первая награда борцов в 23-й книге «Илиады» — оценивается в 12 быков, а пленница, опытная в работе, — в 4 быка. Тот факт, что быки являются всеобщим мерилом ценности, тем более любопытен, что из других мест «Илиады» видно, что драгоценные металлы, хотя и не чеканенные, употреблялись в качестве сокровищ, а иногда и орудий обращения. Следовательно, различные функции денег, очевидно, выполнялись в те времена различными предметами. В некоторых языках для обозначения денег употребляется то же слово, что и для обозначения некоторых видов скота и домашних животных. Латинское pecunia (деньги) все производят от pecus (скот). Из Эсхилова «Агамемнона» мы видим, что первым значком, который стали выдавливать на монетах, была фигура быка, и то же самое было со старинным ассом, чеканившимся в Риме. Нумизматические изыскания до сих пор, впрочем, не подтвердили этих преданий, которые были созданы, быть может, с целью объяснить сходство названия монет

с именем животного. Такое же отношение между этими понятиями существует в новых языках. Английское fec, обозначающее платеж какой-либо суммы денег, есть не что иное, как англосаксонское feoh, означающее и деньги, и скот, и родственное немецкому Vieh (скот). Греческое χτημα означает имущество, стадо и скот и производится Гриммом от старинного глагола χετω или χεταω (пасти скот). Гримм даже думает, что тот же корень является в немецких и скандинавских наречиях, в готском Skatts, новом верхненемецком Schatz, англосаксонском Scät или Skeat и старинном северном Skat, которые все означают имущество, владение, сокровище, пошлину или дань, особливо в форме скота. В пользу этого предположения говорит, во всяком случае, тот факт, что фризское Sket до сего дня сохранило свое первоначальное значение «скот». В северных наречиях, англосаксонском и английском языках слово Skat употреблялось исключительно для обозначения подати или дани. В древненемецких законодательствах пени и штрафы определялись штуками скота. Такса гонораров для врачей, приводимая в Зендавесте, выражена в разных видах скота. Так как при счете скота обыкновенно сосчитывались головы, то он получил название Capital, откуда произошел экономический термин Capital (капитал), юридический термин (по-английски) chattel (собственность) и английское слово cattle (скот). В тех странах, где рабы являются обычным и самым ценным предметом собственности, они, естественно, употребляются наравне со скотом в качестве орудия обращения; в Центральной Африке и других местах, где еще существует раб-

ство, они и поныне служат орудием обращения наряду со скотом и слоновыми клыками. В Новой Гвинее происходит бойкая торговля рабами, и раб является на этом острове единицей ценности. Даже в Англии рабы некогда употреблялись в качестве денег.

Страсть к украшениям принадлежит к числу сильнейших влечений первобытного человечества, и так как предметы, служащие украшениями, обыкновенно отличаются прочностью, всеми ценятся и удобны для перевозки, то понятно, что они скоро стали функционировать как деньги. Примером может служить Wampumpeg (вампумовый пояс) североамериканских индейцев, употреблявшийся как украшение. Он состоял из жемчужин, приготовлявшихся из оббитых и отполированных кончиков черных и белых раковин и нанизанных на шнурки и ленты, — жемчужин, ценность которых зависела от их длины, цвета и блеска. Нитка черных жемчужин длиной в 1 фут имела такую же ценность, как нитка белых — длиной в 2 фута. Эти пояса были до того распространены среди туземцев, что массачусетский суд в 1649 году допустил их и среди колонистов в качестве платежного средства для долгов, не превышающих 40 шиллингов. Замечательно, что подобно тому, как в Европе скупцы копят золотые и серебряные монеты, богатые индейские вожди собирают у себя целые кучи вампумовых шнурков, так как это у них единственное средство для собирания богатств. Этим североамериканским деньгам аналогичны те раковинки змеиных голов, которые под разными наименованиями (Chamgos, Zimbis, Bouges, Porzellanes и пр.) долгое время употреблялись в Ост-

Индии вместо мелких монет. В Британской Индии, Сиаме, на западном берегу Африки и в других прибрежных местностях они еще теперь употребляются в качестве разменной монеты, с каковой целью они привозятся сюда с Мальдивских и Лакедивских островов, где их собирают. Ценность их подвержена небольшим колебаниям в соответствии с размером добычи: в среднем они идут по курсу до 5000 штук за рупию, так что одна раковинка составляет 1/200 английского пенса. У фиджийцев роль этих раковинок исполняют китовые зубы, причем белые в 30 раз дешевле красных. Среди предметов украшений и других драгоценностей, употребляемых в качестве денег, нужно упомянуть еще янтарь, резные камни, как египетские геммы (Scarabäus) и слоновые клыки.

Многие растительные продукты не менее пригодны для обращения, чем вышеприведенные предметы. Нет поэтому ничего странного в том, что у народов, занимавшихся хлебопашеством, роль денег исполняли непортящиеся растительные продукты. В отдаленных частях Европы орудием обращения служит с давних времен до сего дня хлеб. В Норвегии хлеб даже закладывается в банках, дается и берется взаймы. Что для Европы — пшеница, ячмень и овес, то для некоторых местностей Центральной Америки — маис, особенно в Мексике, где он раньше функционировал, как деньги. Во многих странах, прилегающих к Средиземному морю, обычным предметом производства и потребления является оливковое масло; а так как оно отличается достаточной степенью однородности, легкой делимостью и не портится, то на Ионийских ост-

ровах, в Митилене, в некоторых городах Малой Азии и еще кое-где в Леванте оно долгое время употреблялось в качестве платежного средства. В Центральной Америке и Юкатане всеми признаны и, вероятно, издавна употребляются в качестве мелких денег какаовые бобы. Что касается их ценности, то путешественники дают самые разнообразные цифры, которые никак нельзя согласовать между собой, если только не предположить, что либо ценность бобов, либо ценность монет, с которыми они сравнивались, подвергались большим изменениям. В 1521 году 30 какаовых бобов стоили в Каракасе около 5 коп., хотя по данным Сквира теперь за 5 коп. можно было бы купить всего 10 бобов. В тех местах Европы, где культивировался миндаль, он играл ту же роль, как какаовые бобы в Америке; но ценность его различна, смотря по сорту. Впрочем, в новейшее время растительные продукты употреблялись не только в качестве мелких денег. В североамериканских колониях и на Вест-Индских островах часто ощущался недостаток в металлических деньгах, вследствие чего правительство обязывало кредиторов в уплату долга принимать по определенной цене сельскохозяйственные продукты. В 1618 году плантагенский губернатор (в Виргинии) издал указ, по которому под угрозой наказания трехлетними каторжными работами все обязаны были принимать табак, как платежное средство, по 3 шиллинга фунт. Девушки, которых Виргинское общество ввозило, чтобы снабжать колонистов женами, ценились в 100 фунтов табаку, а позднее цена их поднялась до 150 фунтов стерлингов. Не далее, как в 1732 году правительство

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)